

«ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ БЫЛ ЦЕЛЫМ НАУЧНЫМ УЧРЕЖДЕНИЕМ». НАУЧНОЕ И МЕМУАРНОЕ НАСЛЕДИЕ В.А. ДЬЯКОВА

© 2019 г. Л.Е. Горизонтов

*Д-р ист. наук, профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»*

lgorizontov@hse.ru

Впервые на русском языке публикуется глава воспоминаний видного историка-полониста, сотрудника Института славяноведения в 1960–1995 гг. В.А. Дьякова, повествующая о его профессиональной деятельности. Публикация включает вступительную статью с характеристикой научного и мемуарного наследия ученого, а также комментарий источника.

The chapter of V.A. Dyakov's reminiscences, for the first time published in Russian, highlights the professional activity of this prominent scholar who specialized in Polish history and worked at the Institute of Slavic Studies in 1960–1995. The publication includes an introductory article containing characteristics of his scientific and memoir heritage, as well as source commentary.

Ключевые слова: В.А. Дьяков, Институт славяноведения, советская полонистика, польское национально-освободительное движение, российско-польские революционные связи, российско-польское научное сотрудничество.

Keywords: V.A. Dyakov, Institute of Slavic Studies, Polish studies in the USSR, Polish national liberation movement, Russian-Polish revolutionary links, Russian-Polish cooperation in humanities.

DOI: 10.31857/S0869544X0006215-9

«Мемуарный возраст» у Владимира Анатольевича Дьякова (14.06.1919–16.11.1995), по его собственному свидетельству, наступил по достижении семидесяти пяти лет, хотя взяться за воспоминания он думал и раньше. Историк продолжал активно работать, был вовлечен во многие проекты, имел немало планов и обязательств. Однако в его «издательском дневнике» счет публикаций приближался к четырёмстам, и Владимир Анатольевич почувствовал, что важнее не увеличивать их число, а рассказать о своем жизненном пути [1–2].

Самый ранний план воспоминаний охватывал довоенные годы, период войны (наибольшее количество разделов) и первые послевоенные годы. О второй половине жизни, на которую пришлась интенсивная научная деятельность, изначально писать не предполагалось. Известно, что вначале профессиональный историк имел в виду осуществить сугубо мемуарный замысел или даже научное исследование. После раздумий остановился на жанре «исторического

повествования», но в конечном счете вернулся к формату воспоминаний (подробнее см. [3. С. 263–265]).

Работая над мемуарами, Дьяков пользовался своим домашним архивом, в котором, в частности, бережно хранились письма. Для описания научной деятельности важным подспорьем послужили «издательский дневник», где отслеживалась судьба всех его текстов, и «рабочий дневник», где с мая 1977 г. достаточно подробно фиксировались занятия ученого.

Согласно «рабочему дневнику», В.А. Дьяков приступил к написанию воспоминаний 11 марта 1995 г., т.е. в день торжественного вручения ему в варшавском Королевском замке премии журнала «Przegląd Wschodni» за исследования и публикации по истории польского национально-освободительного движения XIX в. Результатом стали более ста машинописных и рукописных страниц, которые включают состоящие из четырех глав «Воспоминания» (72 страницы), и «краткий вариант» «Воспоминания. VI. 1941–1995» (12 страниц). Повторяя отчасти пространную версию, «краткий вариант» существенно дополняет ее в освещении 1950-х и начала 1960-х годов.

«Воспоминания» начинаются с декларирования целеполагания: «Писать собираюсь главным образом о событийной стороне жизни, а не о своих чувствах и размышлениях по поводу происходившего. Читателей вижу преимущественно среди близких мне людей, прежде всего родных и друзей, что, естественно, отразится на содержании и форме последующего текста». Иными словами, на первый план выносятся автобиографическая канва.

Наиболее яркими и объемными получились главы, посвященные школьным годам и службе в армии с самого начала Великой Отечественной войны до увольнения в запас в сентябре 1952 г. Между ними находится короткая глава об учебе в Историко-архивном институте в 1938–1941 гг., которая вместе с военной главой опубликована мною в «Археографическом ежегоднике» [3. С. 266–281]. Инициатором этой публикации был С.О. Шмидт (1922–2013).

К столетнему юбилею В.А. Дьякова публикуется четвертая глава «Как я стал историком-полонистом», упоминаемая в «рабочем дневнике» в начале апреля 1995 г. Есть основания полагать, что она была окончена до наступления лета. Оригинал представляет собой последние 17 машинописных страниц «Воспоминаний» с небольшой правкой преимущественно стилистического характера черной шариковой ручкой; сохранились также рукописные черновики. Это заверченный текст, однако, судя по всему, автор намеревался его дополнять. Глава содержит ряд повторов и неточностей, местами превращается в научный отчет о проделанной работе, перечисление публикаций. В.А. Дьяков не исключал прижизненного издания своих воспоминаний, в том числе обнародования главы о научной деятельности в журнале «Славяноведение», с которым тесно сотрудничал. Это приобретало особую актуальность в связи с подготовкой к пятидесятилетию Института славяноведения.

Глава публикуется полностью, с исправлением опечаток и мелких неточностей, в основном в названиях работ и датах. Наиболее существенные неточности оговариваются в комментарии. Глава «Как я стал историком-полонистом» и «краткий вариант» воспоминаний были изданы мною на польском языке в журнале «Przegląd Wschodni» [4. S. 705–728]. Вступительная статья и комментарий к настоящей публикации составлены заново с учетом новых данных и материалов. В частности, использовались написанные по моей просьбе воспоминания о В.А. Дьякове его вдовы Беллы Борисовны Дьяковой (1920–2012) «Как

Владимир Анатольевич работал дома и как отдыхал», заместителя директора Института истории Польской академии наук в 1983–1990 гг. Яна Замойского (1925–2014) «Человек и историк», а также профессора Виктории Сливовской.

Важнейшей вехой биографии В.А. Дьякова является война. Весьма поздно, уже разменяв пятый десяток, он пришел в академическую науку, но, благодаря свойственной фронтовикам мотивированности и своей редкой работоспособности, сумел в короткие сроки наверстать упущенное. В дарственной надписи ему на своей опубликованной в 1972 г. монографии о Январском восстании С. Кеневич называет Дьякова «самым заслуженным из работающих по тематике, которой посвящена книга» [5. S. 745–746].

Большая часть его трудов так или иначе связана с военно-исторической проблематикой. Обнаруженные им в фондах судебных инстанций военного ведомства следственные дела участников польского национально-освободительного движения позволили поставить изучение истории последнего на прочный документальный фундамент.

Более 35 лет отданы В.А. Дьяковым Институту славяноведения, значительная часть упомянутых в воспоминаниях лиц является его сотрудниками. Мемуарист деликатно умалчивает о разногласиях в институтской среде, в том числе в кругу полонистов. Фигурирует также немало людей, которые в главном центре отечественного славяноведения не работали. Среди них соавторы, которых Владимир Анатольевич умел находить по всей стране, и несколько крупных российских ученых — М.В. Нечкина, Л.Г. Бескровный, П.А. Зайончковский. Роль первых двух в становлении Дьякова-историка чрезвычайно велика. В воспоминаниях нашла отражение общая атмосфера в научной жизни. Особенно показательны в этом отношении «дело о плагиате» 1960 г. и рассказы о сложностях с публикацией статей в 80–90-е годы.

Практически ничего не говорится в воспоминаниях о польских коллегах (названа лишь М. Янион, в «кратком варианте» однажды упомянут С. Кеневич). Между тем в близкий круг общения Дьякова наряду со С. Кеневичем (1907–1992) входили такие видные ученые, как Ю. Бардах (1914–2010), А.Ф. Грабский (1934–2000), Е. Сковронек (1937–1996) и В. Сливовская.

Уникальный шанс для сотрудничества историков двух стран создал столетний юбилей восстания 1863–1864 гг., подготовка к которому началась во время «оттепели», а инициированная тогда совместная публикация документов (как и изучение советскими историками «первой революционной ситуации») завершилась лишь в середине 1980-х годов. Тема Январского восстания казалась оптимальной с точки зрения согласованной советско-польской исторической политики и отвечала профессиональным интересам широкого круга исследователей. Как вспоминает Я. Замойский, «это был необыкновенно продуктивный, быть может, единственный в истории период столь хорошего, гармоничного и конструктивного сотрудничества польских и российских историков, несмотря на всяческие помехи и множившиеся сложности, свойственные тем временам». В «кратком варианте» воспоминаний Владимир Анатольевич отметил способность партнеров преодолевать разногласия, идя на взаимные уступки [4. S. 713].

Со второй половины 1970-х годов именно Дьяков осуществлял руководство крупнейшими двусторонними проектами. Он многое сделал для того, чтобы российско-польские научные связи и в первой половине 80-х годов, и на рубеже 80–90-х годов не прерывались. Свидетельствами признания его заслуг

стали звание почетного доктора Лодзинского университета в 1990 г. и избрание иностранным членом Польской академии наук в мае 1994 г. Сотрудничество В.А. Дьякова с польскими историками и оценка ими российского коллеги заслуживают отдельного рассмотрения.

В повествовании, посвященном прежде всего полонистическому аспекту научной биографии, мало сказано про созданный Дьяковым в 1975 г. сектор, который начал разработку истории славяноведения. Не отражено участие мемуариста в крупном проекте 70–80-х годов, нацеленном на компаративное изучение модернизационных процессов в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Воспоминания создавались на исходе очень важного для историка десятилетия, когда с появлением возможности свободно излагать свои мысли его научное творчество получило серьезный импульс. В.А. Дьяков выдвигал оригинальные идеи и брался за новые темы. Он активно включился в изучение альтернативной истории, Русского зарубежья, мировоззрения диссидентов, русской идеи, стал гораздо больше обращаться к проблематике XX в. и даже современности (одновременно происходило расширение научных интересов в сторону XVIII в.).

«Когда в последние годы его жизни, — вспоминает Б.Б. Дьякова, — мы все в семье уговаривали его сократить нагрузку, меньше работать, он отвечал: “Что вы все хотите, чтобы я умер в постели, а я хочу умереть за письменным столом”. Но умер все же в больничной постели, хотя еще накануне смерти писал отзыв о чьей-то диссертации». То был отзыв о докторской диссертации польского исследователя В. Масяржа «Поляки в Восточной Сибири (1907–1947 гг.)», защита которой предстояла в Иркутске. Дописать свой текст В.А. Дьяков не успел, и это пришлось в экстренном порядке делать мне.

Для истории науки особенно ценны содержащиеся в мемуарах характеристики специализации и профессиональной идентичности ученого. Дьяков со свойственной ему рефлексией по поводу того, чем и зачем он занимается, стремился максимально точно установить соотношение в своей исследовательской практике российской и польской проблематики, на перекрестье которых возникали также украинская, белорусская и литовская составляющие. Думается, что о «чисто польской тематике» в научном наследии Дьякова говорить достаточно сложно: в той или иной мере в его работах практически всегда присутствует российский компонент. Это, как сейчас принято определять, транснациональная история, *entangled history*.

В.А. Дьяков исключительно ценил возможность выходить за пределы «основной научной специализации», «официального амплуа», в том числе в смежные дисциплины, например, исследуя историческую беллетристику (чаще всего он обращался к творчеству Л.Н. Толстого) и биографии писателей. Выступая на своем 60-летнем юбилее, Владимир Анатольевич счел необходимым сказать о том, как «из только историка, притом полурусиста — полуполониста [...], переплавился в комплексного слависта». «Горнилом» послужила творческая среда Института славяноведения, в конце 60-х годов расширившего географический ареал исследований и сделавшего ставку на регионоведческие, компаративные и междисциплинарные (комплексные) штудии.

«Ощуцаю моментами нехватку целенаправленности и монотемности в интересах, — признавался в юбилейной исповеди Дьяков. — Но как можно оставить то, чему хоть раз отдал душу. Да и в широте тоже есть своя польза и своя

прелесть». На мой заданный позднее вопрос об одновременной разработке им совсем разных тем отвечал: «Но ведь хочется и что-то понять».

Разностороннее научное творчество В.А. Дьякова спустя четверть века после его кончины во многом созвучно современным трендам гуманитаристики. Он органически сочетал разработку политической, социальной и интеллектуальной истории, интересовался историей понятий. Работал в области транснациональной и региональной истории, был вовлечен в компаративные и междисциплинарные исследования. В библиографии его трудов изрядное число исследований по истории и методологии науки.

В профессиональную идентичность Дьякова, несомненно, входили также компетенции архивиста и археографа (подробнее см. [2]). «Пожиратель архивов» (С. Кеневич) [6. С. 157], обладающий «чутьем ищейки» (В. Сливовская), он крайне серьезно относился к исторической эвристике. Неслучайно наиболее подробно описанное в воспоминаниях исследование — ставшая результатом целенаправленных архивных поисков статья о предках Г. Аполлинера.

«Иногда раздаются еще высказывания о “второсортности” работы по публикации источников, о необходимости ее свертывания во имя сбережения сил для теоретических или “чисто” исторических исследований, — писал Дьяков в середине 80-х годов. — Очевидно, здесь [...] требуется разумное равновесие и гармония, чтобы теория, слишком высоко воспарив над источниками, не превратилась в пустое теоретизирование» [7. С. 95]. Думается, что «разумное равновесие» ему самому достигать удавалось: публикуемые источники служили историку материалом для исследований, многие из которых носят обобщающий характер. Следует, однако, признать известную инерцию, задаваемую многолетними наработками («архивными засечками», как называл свои находки Владимир Анатольевич), долгосрочными российско-польскими проектами по изданию документов, а также политическими обстоятельствами. Дьяков сохранил приверженность парадигме национально-освободительной борьбы и российско-польских революционных связей.

Интегрирующую роль в творчестве В.А. Дьякова выполняла биографистика, в русле которой написано большинство его научно-популярных работ. «История для меня — это прежде всего человеческие судьбы», — отметил он в воспоминаниях. Среди многочисленных биографий деятелей польского национально-освободительного движения особое место занимает книга о П. Сцегенном, ценные материалы о котором историк обнаружил в ЦГВИА в 1967 г. К биографическому подходу Дьяков обращался и при изучении истории науки. Он был энтузиастом просопографии. Выявленный биографический материал фиксировался в огромных картотеках, которые служили основой для биографических и биобиблиографических словарей, а те, в свою очередь, активно использовались в исследовательской работе.

Владимир Анатольевич стремился и мог себе позволить быть кабинетным ученым. Искусный оратор и полемист, коммуникабельный человек, он не испытывал потребности преподавать и набирать аспирантов. Школа его строилась не на формальных основаниях ученичества — он инициировал научные направления, вокруг которых группировались люди разных возрастов, различной специализации и аффилиации, примерами чему может служить изучение польской ссылки и истории славяноведения.

Поражавшая многих четкая организация труда была сильной стороной этого ученого докомпьютерной эпохи, который писал шариковой ручкой, отдавал

печатать свои рукописи, затем правил машинопись, используя ножницы и клей, после чего текст набирался вновь. Дьяков предпочитал придерживаться определенного распорядка дня, начиная работу в 8 часов утра и стараясь не отвлекаться от нее до обеда. Он очень любил «научно-литературные занятия». Создавал свое особое пространство в домашнем кабинете: сам мастерил полки для книг, ящики для картотек, папки для бумаг, настраиваясь перед работой, остро затачивал карандаши.

На хранение в Архив РАН передано около четырехсот тематических папок, личному фонду В.А. Дьякова присвоен номер 2099. Как свидетельствует Б.Б. Дьякова, «В[ладимир] А[натолевич] всегда жил и работал без спешки, но не терял времени даром и многое успевал». Ю. Бардах необыкновенно емко и точно написал в адресованном ей послании, что «Владимир Анатольевич был сам целым научным учреждением».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Горизонтов Л.Е.* Путь историка // Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995). М., 1996.
2. *Горизонтов Л.Е.* Владимир Анатольевич Дьяков (1919–1995) // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997.
3. *Горизонтов Л.Е.* Мемуары В.А. Дьякова // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997.
4. *Djakow W.* Wspomnienia // *Przegląd Wschodni*. 1997. Т. IV. № 4 (16).
5. *Jewsiewicki W.* Władimir Djakow (14 VI 1919–16 XI 1995) // *Przegląd Wschodni*. 1997. Т. IV. № 4 (16).
6. *Kieniewicz S.* Nasz współpracownik z Instytutu Słowianoznawstwa // *Twórczość*. 1981. № 10.
7. *Дьяков В.А.* Итоги работы советских историков-славистов (1945–1984) // Советское славяноведение. 1985. № 5.

В.А. Дьяков

Как я стал историком-полонистом

На втором курсе Историко-архивного института¹ семинарские занятия были посвящены истории российского освободительного движения в XIX веке, и я решил заняться биографией Сигизмунда Сераковского², который довольно долго был для меня, если не целиком, то преимущественно русским революционером. Во время своей принудительной военной службы Сераковский провел некоторое время в Кзыл-Орде (в те далекие времена она называлась Ак-Мечеть или форт Перовский). Война забросила меня туда в январе – марте 1943 года, когда я был в отпуске по ранению. Гуляя вдоль глинобитных дувалов, которыми отделяются там дворы от улиц, или выходя на берег Сыр-Дарьи, я старался представить себе, каким был тогдашний польский изгнанник и о чем он думал, находясь в тех местах.

Уволившись в запас, я начал с работы экскурсовода по Москве и Подмосковью; подрабатывал приведением в порядок архивов действующих учреждений, преимущественно в системе Академии наук СССР. Одновременно учился в аспирантуре на кафедре истории СССР Московского областного педагогического института. Моей мечтой было перебраться в академическую

¹ Хронологию жизни и деятельности В.А. Дьякова, а также библиографию его работ см.: Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995). М., 1996. С. 5–9, 38–89.

² Сераковский Сигизмунд (Зыгмунт, 1826–1863) – офицер российской армии, участник восстания 1863–1864 гг., казнен в Вильне.

сферу — в Институт отечественной истории или Институт славяноведения и балканистики³. В последнем из них работали мои приятели И.С. Миллер, В.Д. Королюк, И.И. Костюшко⁴.

Институт славяноведения помещался на Кропоткинской улице в бывшем особняке Хрущевых — Селезневых. Насколько мне помнится, рабочих комнат там было мало, но зато при входе был большой парадный зал, который в присутственные дни использовался для бесед с посетителями. Однажды летом 1954 г., приехав в Институт, чтобы встретиться с И.И. Костюшко, я при входе увидел идущих навстречу И.С. Миллера, В.Д. Королюка, И.Б. Грекова — известных историков-полонистов, авторов только что вышедшей юбилейной брошюры «Воссоединение Украины с Россией в 1654 г.», которая была издана не как-нибудь, а «по решению инстанций». Рослые, загорелые и веселые, они выглядели очень импозантно, и, когда к ним присоединился вышедший мне навстречу И.И. Костюшко — в то время ответственный секретарь «Кратких сообщений»⁵, я про себя подумал: вот они — три богатыря и Алеша Попович⁶.

Из четырех названных выше сотрудников Института славяноведения (с 1968 г. — Института славяноведения и балканистики) только с И.Б. Грековым у меня не было тогда неофициальных дружеских контактов. С В.Д. Королюком мы были в приятельских отношениях, но наше сближение остановилось на полпути по двум причинам: во-первых, у нас были различные научные интересы, во-вторых, он был очень несдержан в употреблении алкоголя, а я никогда не был хорошим собутыльником. Пару раз мы были одновременно с Королюком в Варшаве и оказывались вместе в гостях у общих знакомых. Для меня это было просто мучением, поскольку угнаться за Королюком в опустошении рюмок я никак не мог, а уклониться при прославленном польском гостеприимстве удавалось далеко не всегда. Кстати сказать, алкоголь делал и без того веселого Владимира Дорофеевича еще более веселым и остроумным, но, кажется, не было такой дозы, которая свалила бы его с ног.

После увольнения в запас я в 1954–1957 годах учился в аспирантуре на кафедре истории СССР Московского областного педагогического института. Затем работал в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА СССР), потом — в Главном архивном управлении СССР. Как учебу в аспирантуре, так и архивную службу я совмещал с научно-литературными занятиями, с подготовкой кандидатской диссертации «Русская военная историография в последней четверти XIX века». Одновременно с авторефератом этой диссертации в 1959 году вышла моя научно-популярная брошюра «Сигизмунд Сераковский», а несколько позже — в 1960 году — источниковедческая статья «Материалы к биографии Сигизмунда Сераковского». Готовя эти работы, я старался использовать литературу и источники как на русском, так

³ Имеются в виду Институт истории и Институт славяноведения АН СССР.

⁴ Специалисты по истории Польши Илья Соломонович Миллер (1918–1978), Владимир Дорофеевич Королюк (1921–1981), Иван Иванович Костюшко (1919–2018), а также Игорь Борисович Греков (1921–1993) — сверстники В.А. Дьякова, значительно раньше него стали сотрудниками Института славяноведения и защитили кандидатские диссертации.

Подробные сведения о работавших в нем людях см.: Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук. Биобиблиографический словарь. М., 2012. Более широкий круг российских славистов представлен в издании: Славяноведение в СССР. Изучение южных и западных славян. Биобиблиографический словарь. New York, 1993.

⁵ «Краткие сообщения Института славяноведения Академии наук СССР».

⁶ Так в оригинале.

и на польском языках. Первое время были затруднения с польским, но через какое-то время я уже понимал польские тексты, а затем освоил и разговорный язык.

Кандидатскую диссертацию я защитил в 1959 г., докторскую в 1966 г. (называю даты защит, а не утверждения их результатов в ВАКе). Готовил я их в то время, когда еще не было ограничения объемов диссертаций. Соответственно, кандидатская у меня имела объем 344 страницы машинописи, а докторская 988, да еще приложение — биобиблиографический словарь — на 633 страницах. Полностью опубликован только словарь (Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856—1865 годов. М., Наука, 1967), а диссертация — в значительной части, но не в одном месте, а отдельными статьями в разных изданиях.

Моим официальным научным руководителем во время пребывания в аспирантуре был профессор П.И. Кабанов — очень симпатичный человек и знающий ученый. Но от русской военной историографии, которой я посвятил свою кандидатскую диссертацию, он был очень далек⁷. Фактически меня консультировал Л.Г. Бескровный, являвшийся одним из наиболее квалифицированных военных историков и, можно сказать, первопроходцем на историографическом направлении среди историков армии и флота⁸. Очень помогли мне консультации М.В. Нечкиной, опекавшей историографическую проблематику в Отделе истории Академии наук⁹. Не случайно Л.Г. Бескровный и М.В. Нечкина стали моими официальными оппонентами при защите как кандидатской, так и докторской диссертаций. С ними у меня сложились довольно тесные деловые отношения, я неоднократно бывал у них дома.

С Л.Г. Бескровным, кроме чисто научных вопросов, меня связывала мечта о возрождении существовавшего до революции Русского военно-исторического общества (РВИО). Мы сочинили несколько вариантов соответствующего предложения для так называемых «инстанций», но в ответ получали либо отказ, либо молчание. Последнее время (с 1993 г.) в научной среде снова заговорили о создании подобного рода общественных организаций среди историков, однако воз и ныне там, потому что некому их финансировать; РВИО было императорским и, соответственно, получало небольшую государственную дотацию, а ныне ожидать чего-либо подобного едва ли есть основания¹⁰.

Что касается М.В. Нечкиной, то, кроме многолетнего научного сотрудничества, меня связывала с ней еще одна довольно любопытная история. Началась она с того, что мой давно умерший приятель В.Е. Фильгус обнаружил в докторской диссертации и книге ленинградского профессора А.В. Федорова¹¹ ряд неоговоренных заимствований из его (Фильгуса) кандидатской диссертации.

⁷ Обе диссертации Петра Ивановича Кабанова (1888—1974) посвящены истории Дальнего Востока.

⁸ Бескровный Любомир Григорьевич (1905—1980) — специалист по военной истории России XVIII—XIX вв., преподавал в Военной академии им. М.В. Фрунзе, затем работал в Институте истории АН СССР.

⁹ Нечкина Милица Васильевна (1901—1985) — сотрудник Института истории АН СССР, с 1958 г. академик и руководитель Группы по изучению революционной ситуации в России в конце 1850-х — начале 1860-х годов, с 1961 г. также председатель Научного совета по проблеме «История исторической науки».

¹⁰ Продолжателем созданного в 1907 г. Императорского русского военно-исторического общества стало образованное в 2012 г. Российское военно-историческое общество. В середине 1950-х годов В.А. Дьяков контактировал с активным деятелем дореволюционного ИРВИО Г.С. Габеевым (1877—1956). См.: Горизонтов Л.Е. Путь историка // Дьяков Владимир Анатольевич (1919—1995). М., 1996. С. 12, 34.

¹¹ Федоров Александр Васильевич (1909—?) — в 1944—1962 гг. доцент исторического факультета Ленинградского государственного университета. Автор книг «Общественно-политическое движение в русской армии 40—70 гг. XIX века» (М., 1958) и «Русская армия в 50—70-х годах XIX века: Очерки» (Л., 1959).

По нашим материалам хлесткий фельетон об этом для «Известий» сочинил Г.А. Богуславский¹²; он же получил гонорар, но в конце текста указал мою фамилию, поскольку к ней можно было для солидности добавить «кандидат исторических наук». Фельетон был опубликован 17.02.1960 под заголовком «Чудесное превращение прапорщика Либека». Произведение это (я, естественно, не включая его в список своих печатных работ) было замечено общественностью и не только научной. Плагиатор организовал контрнаступление, мобилизовав довольно высоких покровителей, чему не приходится удивляться, потому что до перехода на историко-партийную кафедру в Ленинградском университете он был вторым секретарем Горкома КПСС. Начал он с того, что как партиец партийцу написал письмо начальнику Главного архивного управления¹³, в котором я тогда служил. Затем, пользуясь своими знакомствами, А.В. Федоров сумел на несколько месяцев задержать прохождение моей кандидатской диссертации в Высшей аттестационной комиссии (ВАК), а без «корочек» я не мог осуществить свой давно подготовленный и очень желанный переход в Институт славяноведения и балканистики.

В «Известиях» же в поддержку фельетона о диссертации А.В. Федорова выступили сначала П.А. Зайончковский, защитивший докторскую диссертацию на очень близкую с Федоровым тему¹⁴, а затем М.В. Нечкина. После этого в дело сочло необходимым вмешаться Бюро ВАК'а, которое пригласило на свое заседание всех троих возмутителей спокойствия. П.А. Зайончковский почему-то не пришел; мы с М.В. Нечкиной явились в назначенное время, но 45 минут вместе с членами Бюро ждали его председателя, который поехал в Отдел науки ЦК, чтобы получить инструкции. Как потом выяснилось, на вопрос о том, что же делать с А.В. Федоровым, там ответили: «Попугать можно, но забивать не давайте». Соответственно с этим указанием было проведено заседание. Ну а моя диссертация, конечно же, не случайно пролежала в ВАК'е намного дольше обычного. П.И. Кабанов, состоявший в то время членом этого ареопага, обнаружил мое сочинение вне основного «ваковского конвейера» в каком-то дальнем углу, куда оно могло быть задвинуто только Федоровскими доброжелателями.

Еще в аспирантские годы (1954–1957) у меня установились деловые контакты с Институтом славяноведения и балканистики — сначала при посредстве моего однокурсника по Историко-архивному институту И.И. Костюшко, позже с помощью И.С. Миллера, который с 1959 года привлек меня к участию в подготовке серии «Восстание 1863 года. Материалы и документы». Участвуя в этой серии до и после своего перехода в Институт, я фактически выполнял обязанности заместителя Миллера по археографической части, поскольку никто другой в авторском коллективе не имел достаточного опыта публикаторской работы. В подготовке томов «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг.» и «Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.» я участвовал в качестве члена редколлегии. В двух томах этой серии, озаглавленных «Русско-польские революционные связи», мне пришлось быть также одним из основных авторов. На общественных началах я принял участие в работе

¹² Богуславский Густав Александрович (1924–2014) — историк, педагог, публицист.

¹³ Главное архивное управление при Совете Министров СССР возглавлял тогда Г.А. Белов (1917–1992).

¹⁴ Зайончковский Петр Андреевич (1904–1983) — с 1951 г. профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Докторская диссертация о военных реформах 60–70-х годов XIX в. была защищена им в 1950 г.

руководимой М.В. Нечкиной Группы по изучению первой революционной ситуации в России 1859–1861 годов, был членом Бюро Группы и входил в редколлегию издаваемого Группой сборника статей (в 1960–1986 гг. вышло 9 томов этого сборника).

Всем этим я занимался вместе с И.С. Миллером. Мы были с ним довольно близки, но наши дружеские отношения ограничивались главным образом научной сферой. Мы регулярно общались с ним, и не только в Институте, довольно часто бывали вместе в командировках. Однажды, это было во Львове, мы с Ильей Соломоновичем решили перейти на ты. Несколько дней пытались реализовать состоявшуюся договоренность, но все время путали одно с другим и потому решили возвратиться к прежнему варианту. Миллер был очень квалифицированным специалистом, с широким кругом интересов, великолепной памятью и умением анализировать исторические факты. Сочинять статьи, а тем более браться за монографию ему, мне кажется, не очень хотелось. Тексты докладов, даже довольно пространных и ответственных, он заранее не писал, а обходился набросками отдельных наиболее важных фрагментов. Вполне заслуженную ученую степень доктора исторических наук он получил за совокупность работ, которые вошли в посмертно изданный сборник его исследований¹⁵. Миллер был хорошим заведующим сектором¹⁶: к подчиненным относился доброжелательно, старался каждому найти нужную и посильную работу, был требовательным, но не перебарщивал в этом смысле, а, может быть, даже немного недобирал. Многие годы Миллер заслуженно считался первым кандидатом на должность заместителя директора Института. К сожалению, Отдел науки ЦК КПСС все время противился такому назначению из-за национальной принадлежности. Это Илью Соломоновича угнетало и, мне кажется, послужило одной из причин его ранней смерти.

В 1963 году вышел первый том двухтомника «Русско-польские революционные связи» в серии «Восстание 1863 года. Материалы и документы». В значительной степени он состоит из документов, которые были выявлены и подготовлены к печати мною (в общей сложности это около 20 печатных листов). Прямым продолжением работы над этими источниками стали два монографических исследования: «Революционная организация русских офицеров в Польше. 1861–1863» (в книге В.А. Дьяков, И.С. Миллер. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М. 1964) и монографическая статья «Петербургские офицерские организации конца 50 — начала 60-х годов XIX века и их роль в истории русско-польских революционных связей» (в Ученых записках Института славяноведения, Т. XXVIII. М. 1964). В называвшейся первой части двухтомника о русско-польских революционных связях опубликована также подготовленная мною документальная подборка о лондонских и петербургских переговорах 1862 г. между русскими и польскими революционерами.

С 1978 г. по моей инициативе начали выходить в свет комплектовавшиеся совместно, а издаваемые только в Польше тома другой российско-польской серии «Польское общественное движение и литературная жизнь 30–50-х годов XIX в. Исследования и материалы». Я участвовал и участвую в ней в качестве одного из составителей, редакторов и руководителей работы с российской стороны. Вышло уже пять томов: «Содружество польского народа в Королевстве Польском. Густав Эрэнберг и “свентокшижцы”» (1978 г.); «Польское общество

¹⁵ Миллер И.С. Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в. М., 1980.

¹⁶ Сектор Новой истории Центральной Европы.

и попытки возобновления вооруженной борьбы в 1833 году» (1984 г.); «Революционное подполье в Королевстве Польском в 1840–1845 гг. Эдвард Дембовский» (1981 г.); «Весна народов в Королевстве Польском. Организация 1848 года» (1994 г.); «Участники освободительного движения 1832–1855 годов (Королевство Польское)» (1990 г.).

Из других значительных по объему документальных публикаций назову, во-первых, подготовленный мною совместно с Г.В. Богдановым «Алфавит участников революционного движения в русской армии за 1861–1863 гг.», который был напечатан в сборнике «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов» (М. 1960), во-вторых, мою публикацию «Список руководящих деятелей восстания 1863–1864 гг., составленный В.В. фон Валем» в сборнике «Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года» (М. 1962). И в первом, и во втором случае комментарий, особенно биографический, весьма существенно дополняет сведения, содержащиеся в публикуемых документах.

Поскольку история для меня — это прежде всего человеческие судьбы, постольку я всегда был и остаюсь неравнодушным к различным жанрам биографии, начиная с монографических исследований и научно-популярных очерков об исторических деятелях и кончая биобиблиографическими справочниками разного рода. Сочинения этого жанра занимают видное место в списке моих печатных работ. Дома я имею свою биобиблиографическую картотеку примерно на 10 тысяч персоналий — участников польского и российско-освободительного движения, военных историков, исследователей Сибири, Средней Азии и Казахстана. Аккумулированные в картотеке сведения помогли мне подытожить изучение истории революционного движения в русской армии на протяжении десятилетия после Крымской войны 1853–1856 гг., наряду с другими работами, также биобиблиографическим словарем «Деятели русско-го и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 годов» (М. 1967). Накопленный опыт словарной работы был использован впоследствии коллективом авторов, подготовивших биобиблиографический словарь «Славяноведение в дореволюционной России» (М. 1979).

Мой переход от российско-польской к чисто польской тематике в исследовательской, а не в публикаторской сфере связан, прежде всего, с изучением жизни, деятельности и мировоззрения видного польского общественно-политического деятеля Петра Сцегенного. Наряду с исследовательской статьей и научно-популярной биографией Сцегенного на польском языке мною опубликована пространная монография о нем с приложением архивных источников в двух вариантах — несколько меньшем русском и более пространным польском¹⁷. Кроме этого, мы совместно с А.С. Нагаевым¹⁸ опубликовали книгу об экспедиции Ю. Заливского и других попытках возобновления вооруженной борьбы в Королевстве Польском в 1832–1835 гг., которая была издана только на польском языке. На русском и на польском языках вышла наша с Г.С. Сапаргалиевым¹⁹ книга «Общественно-политическая деятельность ссыльных

¹⁷ Сцегенный Петр (1801–1890) — католический священник, организатор Крестьянского союза в Царстве Польском (1844 г.), приговорен к каторжным работам. Книга на русском языке: Дьяков В.А. Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного (1801–1890 гг.). М., 1972.

¹⁸ Нагаев Алексей Степанович (1913–2002) — профессор Коломенского государственного педагогического института.

¹⁹ Сапаргалиев Гайрат Сапаргалиевич (1930–2010) — казахстанский правовед.

поляков в Казахстане». Совместно с Л.Н. Большаковым²⁰ была написана книга «Дело Мигурских», перевод которой полностью напечатан в Польше, а в несколько сокращенном русскоязычном варианте она опубликована алма-атинским журналом «Простор» в №№ 7 и 8 за 1979 г. Своей трудоемкостью наиболее памятна мне работа над книгой о Сцегенном, которая в польском варианте имеет объем около 33 печатных листов, в том числе около 20 листов документальных приложений.

Особую сферу моих полонистических интересов составляла литературоведческая и отчасти искусствоведческая тематика. Сознаю, что работа на этом направлении дорога для меня тем, что она выходит за рамки официального моего амплуа и потому объект исследования для меня в значительной мере экзотичен. Начало было положено на польско-советском симпозиуме 1972 года, где я выступил с докладом «Литературные интересы польских конспираторов 30–40-х годов XIX века». На присутствующую в зале Марию Янион — виднейшую специалистку по истории польской литературы периода романтизма²¹ — источниковедческий аспект доклада произвел такое впечатление, что она добилась решения Польской Академии о финансировании специальной документальной серии, которая упоминалась выше. Что касается взаимоотношений польских конспираторов «паскевической» эпохи²² с деятелями искусства и культуры, то им я посвятил большую статью, опубликованную на польском языке в сборнике, выпущенном издательством «Оссолинеум» в 1984 году.

Не помню точно когда, но не позже 1973 г., какой-то из моих польских знакомых рассказал об уверенности некоторых варшавских историков литературы в том, что документы о польских предках известного французского поэта Гийома Аполлинера²³, если они сохранились, сможет найти только московский историк Владимир Дьяков. Естественно, что, желая оправдать эти лестные для меня ожидания, я принялся за поиски, которые, хотя и не очень скоро, увенчались успехом. Два дела, касающихся предков Гийома Аполлинера, были найдены мною в московском Центральном государственном военно-историческом архиве, три дела в Центральном архиве Литвы в Вильнюсе и одно дело — в Центральном архиве Белоруссии в Минске.

В польском литературоведении были попытки связать родословную Гийома Аполлинера с Михалом Костровицким, который происходил из лидской ветви этого рода, жил по соседству с Адамом Мицкевичем и принадлежал к семье, имевшей устойчивые патриотические традиции. Реальность оказалась гораздо прозаичнее этих предположений. Дед будущего поэта Аполлинарий Францевич Костровицкий был выходцем из мелкопоместной дворянской семьи, владевшей под Минском имением, при разделе которого дети получили по 7 душ на брата. С 1838 г. Аполлинарий Костровицкий находился на военной службе; к началу Крымской войны он был кавалерии поручиком и числился при Петербургской провиантской комиссии сверх штата. В 1855 г. А. Костровицкого послали с жалованием для Крымской армии в осажденный Севастополь, где он шальным ядром был ранен в голову, вследствие чего был отправлен

²⁰ Большаков Леонид Наумович (1924–2004) — работавший в Оренбурге литературовед, специалист по жизни и творчеству Т.Г. Шевченко.

²¹ Янион Мария (род. 1926) — сотрудник Института литературных исследований Польской академии наук, академик ПАН (1998 г.).

²² Имеются в виду 1832–1856 гг., когда наместником Царства Польского был пользовавшийся полным доверием Николая I генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич.

²³ Аполлинер Гийом (1880–1918) — французский поэт-авангардист и литературный критик.

в отставку с назначением пенсии. В 1856 г. он женился на родившейся в Вильно итальянке Юлии Флориани и вскоре переехал в названный город. Позднее какое-то время чета Костровицких жила в Хельсинки²⁴, Киеве и Петербурге, затем Вильно, где был приобретен дом с приусадебным участком. Когда начались ссоры между супругами неясно, но в 1862 г. взаимоотношения достигли настолько значительного накала, что состоялся развод, а пенсия была разделена на две части. Вскоре после этого все Костровицкие — муж, жена и их дочь Анжелика, оказались в Риме; отец и мать жили врозь, а девочку отдали в пансион при католическом монастыре. В 16 лет Анжелика его покинула, в 18 лет родила внебрачного ребенка, который, выросши, стал Гийомом Аполлинером.

Таково краткое содержание статьи, которая была опубликована мной в 1975 г. в варшавском журнале «Месенчник литерацки». Мишель Декоден — один из наиболее известных французских специалистов по творчеству Гийома Аполлинера, прочитав статью, оценил ее следующим образом: «Это нечто капитальное и, как мне думается, окончательно решающее вопрос о предках Аполлинера со стороны матери». Во Франции моя статья была отмечена газетами «Le Monde» и «La Quinzaine littéraire»; на русском языке она полностью опубликована в журнале «Неман» № 6 за 1978 г.

Свою основную научную специализацию я бы сформулировал следующим образом: Россия и Польша в 30–60-х годах XIX в.; история, историография и источниковедение. И хронологически, и тематически я не раз выходил и, по-видимому, буду выходить за эти рамки, но именно эта тематика останется в центре моих интересов. Не раскаиваюсь в отношении прошлого и не собираюсь избавляться от некоторого литературоведческого или искусствоведческого крена, но не выходя за рамки того, что касается общественно-политических интересов деятелей литературы и искусства, в частности, Т.Г. Шевченко.

На шевченковедческую тематику меня вывело изучение биографии З. Сераковского, прежде всего, работа над статьей «Шевченко и польское национально-освободительное движение», опубликованной в 1962 г. Через два года одновременно на русском и польском языках вышла моя небольшая (7 печатных листов) книжка «Тарас Шевченко и его польские друзья». В ней наиболее подробно и с привлечением нового архивного материала освещен период пребывания Кобзаря в ссылке, где его польские связи были наиболее разветвленными и плодотворными.

Мое увлечение биографистикой отчасти реализовывалось при поддержке заведующего редакцией серии «Жизнь замечательных людей» в издательстве «Молодая гвардия» Ю.Н. Короткова²⁵. Покойный Юрий Николаевич вспоминается мне как человек в высшей степени доброжелательный, знающий и неутомимый в поисках подходящих авторов для серии и в работе с ними. По его инициативе в серии «ЖЗЛ» был в 1964 г. выпущен сборник биографических очерков «За нашу и вашу свободу. Герои 1863 года», для которого я написал биографии Ярослава Домбровского и Зыгмунта Падлевского. В этой же серии в 1969 году вышла моя книжка «Ярослав Домбровский». Для издательства «Мысль» я написал брошюру о Зыгмунте Сераковском, а в соавторстве

²⁴ В описываемое время — Гельсингфорс.

²⁵ Коротков Юрий Николаевич (1924–1989) руководил редакцией в 1958–1969 гг., сотрудничал с Группой по изучению революционной ситуации.

с В.Е. Абрамавичюсом²⁶ опубликованную в 1968 г. биографию Валерия Врублевского²⁷. Кроме морального удовлетворения, все это давало и неплохой заработок — без него я бы не имел трехкомнатной кооперативной квартиры, в которой пишутся настоящие воспоминания.

Для учета своих сочинений я имею тетрадку, в которую записываю все их названия сразу после завершения работы над текстом, а потом делаю заметки о дальнейшей судьбе каждого из них. Первой в этом списке значится статья «Форсирование Н-ским стрелковым полком реки Днепр у местечка Радуль в октябре 1943 года»; она опубликована в 1948 г. в «Сборнике боевых и тактических примеров», который одно время издавался Военно-историческим управлением Генерального штаба с грифом «секретно». Последней в январе 1995 года внесена в список заметка «А.И. Солженицын о русском земстве»; порядковый номер этой записи 402²⁸. Опубликованы не все значащиеся в тетрадке тексты, но подавляющее большинство все-таки увидело свет. По приблизительному подсчету из указанного числа около 200 моих работ посвящены чисто российской проблематике, примерно 150 — чисто польской, а остальные смешанной польско-российской тематике.

Из сказанного видно, что мои полонистические работы посвящены не столько Польше в целом, сколько истории так называемого Царства Польского, то есть той части польской территории, которая входила с 1772 г. по 1918 г. в состав российского государства²⁹. Специфические трудности разработки данной проблематики связаны с тем, что речь идет одновременно о нескольких политических и этнокультурных массивах — прежде всего российском и польском, но также украинском, белорусском и литовском, без совокупного рассмотрения которых трудно ожидать вполне успешного результата.

В Институте славяноведения и балканистики мне пришлось длительное время совмещать научную работу с административной — на должности ученого секретаря Института и заместителя директора³⁰ (о заведовании сектором я здесь не говорю потому, что эта должность, на мой взгляд, скорее научная, чем административная). На должности ученого секретаря я сменил Игоря Михайловича Шептунова — весельчака, мастера рассказывать анекдоты, хорошего организатора капустников, но человека довольно равнодушного к науке и занимавшего в ней не очень заметное место. На руководящем посту были во время моей работы в дирекции И.И. Удальцов, И.А. Хренов и Д.Ф. Марков³¹, заместителями директора — И.А. Хренов, А.И. Недорезов и П.И. Резонов (два первых из этой тройки пришли в Институт из ЦК КПСС, а последний из Военно-политической академии). Некоторую самостоятельность проявлял из них только И.И. Удальцов; остальные даже по всякой мелочи «советовались» с Отделом науки. Д.Ф. Марков и И.А. Хренов, хотя и весьма осторожно, но все-таки решали некоторые вопросы, А.И. Недорезов и П.И. Резонов чаще

²⁶ Абрамавичюс Владас Евстафьевич (1909–1965) — литовский писатель, историк культуры и библиограф.

²⁷ Я. Домбровский (1836–1871), В. Врублевский (1836–1908), З. Падлевский (1836–1863) — офицеры российской армии, участники восстания 1863–1864 гг., первые двое — генералы Парижской коммуны.

²⁸ Последняя, 404-я, запись была сделана в мае 1995 г.

²⁹ Несомненно, мемуарист имел в виду все земли Речи Посполитой, в разное время включенные в состав Российской империи.

³⁰ В.А. Дьяков был ученым секретарем в 1962–1966 гг., а заместителем директора в 1970–1973 гг.

³¹ И.И. Удальцов возглавлял институт в 1959–1962 гг., историк-полонист И.А. Хренов в 1963–1969 гг., Д.Ф. Марков в 1969–1987 гг.

всего уклонялись от решения. Почти каждый присутственный день дирекция задерживалась на 2–3 часа, чтобы обсудить текущие дела — И.А. Хренов любил это делать досконально и не торопясь.

С 1985 года к моей нагрузке прибавилась еще должность вице-председателя Комиссии по истории славистики при Международном комитете славистов³². Председателем ее номинально был Д.Ф. Марков, а всеми делами в основном приходилось заниматься мне, поскольку секретарствовала по должности Н.А. Прокофьева, но она «тянула» только на техническом уровне. Планировавшееся издание материалов научных заседаний Комиссии, к сожалению, не состоялось. Размножить на ксероксе удалось только часть материалов советской части к марбургскому заседанию в конце мая — начале июня 1990 г.; сборничек включает полные тексты моего научного доклада, выступлений по организационным вопросам, список членов Комиссии и темы зачитанных ими докладов. Мое выступление было посвящено итогам и перспективам работы Комиссии. Следующее пленарное заседание состоялось в Урбино (Италия) в конце сентября — начале октября 1992 г. Но я не смог поехать туда по состоянию здоровья и вообще письменно передал полномочия по Комиссии М.А. Робинсону, который сменил меня и на должности заведующего сектором.

Наряду с упомянутыми выше меня привлекали и привлекают проблемы, связанные с историко-литературным пограничьем, с проблемой соотношения фактов и вымысла в исторической беллетристике. В журнале «Звезда» за 1969 год я опубликовал статью «Факты или вымысел?», в которой сформулирована моя позиция по этому вопросу: «Право писателя на вымысел должно вступать в силу только там, где нет твердо установленных исследователями и прочно вошедших в оборот достоверных фактов». Позже (в 1983 г.) я подготовил для «Вопросов истории» большую статью «История и художественная литература», но она проходила с большими трудностями и была опубликована в сильно сокращенном варианте. Редколлегия нашла необходимым консультировать текст в Отделе науки ЦК, этот последний послал запрос в Институт мировой литературы АН СССР. Оттуда пришел ответ за подписью В. Щербины³³, в котором говорилось: «В настоящем виде публиковать статью в научном журнале нецелесообразно». После некоторой доработки текста статья была напечатана «Вопросами истории» в 1984 г. под заглавием «Реалистические традиции русской и советской исторической беллетристики». В ходе этих согласований и консультаций я познакомился с видным литературоведом В.Д. Оскоцким — автором книги «Роман и история. Традиции и новаторство советского исторического романа»³⁴, а также с куратором Института мировой литературы в Отделе науки ЦК КПСС Ивановым.

Одно из моих увлечений на этом направлении связано с историко-социологическими воззрениями А.И. Солженицына. Материалы о Солженицыне и его творчестве собраны у меня в двух больших папках. Публикация же по этой тематике пока всего одна и имеет весьма сложную историю. Исходный вариант будущей статьи я подготовил в 1990 г. для журнала «Новая и новейшая история». Солженицын в то время числился еще в «полудиссидентах»,

³² Вице-председателем Международной комиссии по истории славистики В.А. Дьяков стал в 1975 г., в 1988–1992 гг. он ее возглавлял.

³³ Щербина Владимир Родионович (1908–1989) — член-корреспондент АН СССР, заместитель директора Института мировой литературы АН СССР.

³⁴ Оскоцкий Валентин Дмитриевич (1931–2010) — литературовед, литературный критик и публицист. Указанная книга была опубликована в 1980 г.

правда, не для всех, но для сверхосторожного главного редактора этого журнала³⁵. Дважды редколлегия в моем присутствии утверждала текст, и дважды главный редактор статью блокировал. Тогда я забрал рукопись и заявил, что при нынешнем главном редакторе с этим журналом я больше сотрудничать не буду. Статья была опубликована с сокращениями в журнале «Общественные науки и современность» под заглавием «Об историко-социологической концепции Александра Солженицына» (1994 г., № 1), а полностью — в польском журнале «Пшеглэнд хуманистычны» под заглавием «Историко-социологические взгляды А.И. Солженицына и А.Д. Сахарова» (1992 г., № 5).

За последние годы на первый план в моих научных занятиях выдвинулась проблематика, связанная с русской идеей и славянским вопросом, особенно с их значением для истории отечественной общественной мысли. Кроме вышедшей в 1993 г. книжки «Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России», это нашло отражение в ряде статей, из которых часть уже опубликована: «Славянская идея в истории и современности» (Свободная мысль. 1992 г. № 4); «Исторические судьбы славянской идеи с древнейших времен до 1918 года» (Доклады российской делегации на XI Международном съезде славистов. М. 1993); «О давних и нынешних спорах вокруг “русской идеи”» (Славяноведение. 1994. № 6). Подготовлены и приняты к печати еще две статьи: «“Русская идея” в эмигрантских изданиях 1920–1968 годов» и «Современное восприятие русской идеи и русского вопроса». В настоящее время находится в печати сборник статей, в который включены названные выше и другие мои работы о русской идее и славянском вопросе в России и Польше.

³⁵ В 1982–2013 гг. главным редактором журнала «Новая и новейшая история» являлся академик Г.Н. Севостьянов (1916–2013).